

НА ПУТИ К НОВОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ СОЗНАНИЮ (СОЧИНЕНИЯ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО И КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРЬСКОГО)

Есть эпохи, в которые литература, казалось бы, слабо развивается, — нет признаков «большой литературы», заметно уменьшается число произведений и писателей, не возникают новые большие темы, не появляются новые крупные писатели. Как будто бы силы общества отвлечены на другие заботы. Однако в литературе никогда не бывает простого отступления назад. Старые литературные произведения продолжают читаться, и в тех жанрах, в которых возникают новые произведения, продолжается подспудное движение вперед. Культура не может отступать, ибо она движется вперед путем накопления ценностей. Накопления же не пропадают. Они становятся иногда менее доступными, но и только. Так было в эпоху монголо-татарского наступления на Русь. Летописание в тот период, кажется, свелось к отдельным местным записям, но зато развился жанр воинских повестей и житийный.

Очень часто литература той или иной эпохи идет под знаком одного писателя или даже одного произведения. Вторая половина XVI века обозначена для нас полемикой Ивана Грозного с потомком ярославских князей, московским боярином князем Андреем Курбским. Именно эта полемика рельефнее всего представила в литературе особенности ее времени. Два голоса этих полемистов звучат поверх всех остальных. Остальные же и не могли быть значительны. Грозный принял на себя ответственность за решение всех политических и нравственных вопросов своего времени. Рядом с Иваном Грозным не могло быть других взглядов. Грозный полагал, что только он один как «помазанник Божий» может судить людей и историю. В его царстве никто не смел высказывать иных суждений, — суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный. Культура во всех своих проявлениях приобрела монологический характер. Только за границами России бежавший из нее и там волей или неволей переставший себя ощущать русским, князь Курбский решился полемизировать с Грозным. Однако, находясь вне России и даже командуя одно время войсками против Грозного, он лишил себя твердой моральной позиции и принужден был выступать не столько за интересы России, сколько за свои личные. И все ж таки под пером Курбского многие из его личных обид становились общественными

явлениями, а через крайне субъективное могло выражаться объективное. То обстоятельство, что переписка Грозного и Курбского, особенно письма последнего, были известны лишь крайне ограниченному числу современников, не лишает ее показательности для своего времени. Оба высказывали свои взгляды не только в переписке, но и в своих многочисленных произведениях — Грозный в разнообразных посланиях и устных высказываниях, Курбский — в «Истории о великом князе московском» и в других сочинениях. Оба были крупнейшими фигурами на общественной арене своего времени, выразителями характернейших взглядов: первый — приверженцев сильной царской власти, второй — оппозиционных слоев населения и в первую очередь — боярства.

Тем не менее развитие литературы шло своим путем, и у обоих полемистов, сколь ни неприятны были бы они нам как личности, определились черты будущего в литературе. Главное, что обнаружилось по обе стороны государственной границы, — это развитие личностного начала в русской литературе. Оно сказывалось и в политических, и в идейных позициях, и в стиле произведений.

Несмотря, однако, на то, что напряженность споров и их эмоциональность сравнительно с полемиками первой половины XVI века сильно возросли, уровень споров резко снизился, а темы их значительно сократились. О чем, в сущности, спорили Грозный и Курбский? Грозный доказывал свое право казнить и миловать своих подданных. Доказательств этого права он почти не предъявлял. Он требовал верить ему в этом и бранил противников. Никакой особо новой, чем-либо замечательной концепции своего самодержавного права создано им не было. Все аргументы его примитивны и однообразны. Курбский, опровергая это право Грозного и упрекая его в грубых жесткостях, хотя и был с моральной точки зрения убедителен в этих упреках, не противопоставил Грозному своей собственной теории государства. Он утверждал лишь, что в первый период своего царствования, слушая умных советников, Грозный не совершал зверств и даже одерживал победы над внешними врагами. Однако концепция его не может сравниться с прежними, превосходно аргументированными «программными» предложениями Ивана Пересветова или с философией Ермолая-Еразма и многих других публицистов и философов первой половины XVI века.

Продвижение вперед в литературе может быть усмотрено лишь во второй, «формальной» сфере литературы, — в сфере господствующих стилей. Главное явление, на которое в этом отношении следует обратить внимание, — это значительный рост индивидуального начала в стиле произведений. Индивидуальные особенности стиля, поднявшиеся над жанровыми трафаретами, были уже в достаточной мере ясны у обоих главных антагонистов эпохи — Грозного и Курбского.

Переписка Грозного с Курбским часто трактуется как выражение борьбы нового со старым. При этом Грозный оказывается выразителем нового, государственного начала, а Курбский — старого, родового. Но политические взгляды обоих были лишены сколько-нибудь четкой ориентации на будущее. Что же касается их места в истории литературы, то черты будущего ярко сказываются у обоих, как мы уже сказали, в усилении личностного начала, но не в появлении новых сильных идей.

Стиль Грозного — как бы часть его поведения в жизни. В жизни Грозный то передевался со своими опричниками в монашеское платье и глумился над церковными обрядами, то благочестиво пел на клиросе в церкви. Он то отказывался от своей царской власти и сажал на престол татарина Симеона Бекбулатовича, зловеще напоминая этим о трехсотлетнем чужеземном иге, и писал Симеону Бекбулатовичу лицемерно-униженные челобитные, то упивался властью и массами казнил людей. Он постоянно переходил от одного чувства к другому: от торжества к крайнему раскаянию, от веселья к горю, то дразнил, то впадал в ярость и т. д. Поразительно, что в своих произведениях Грозный был таким же, как и в жизни. Изумительный мастер языка, то до крайности резкий и гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 года), то подавленный страхом смерти и манией преследования (в своем каноне Ангелу Грозному), то изощрявшийся в «кусательном стиле», опускавшийся до грубой брани, то мастер высокого церковно-славянского стиля, стремящийся подавить своего читателя эрудицией, — таков Грозный в своих произведениях, этот самовозбуждающийся и ни с чем не считающийся тиран как на троне, так и в облики писателя.

Свое послание игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме Грозный начинает очень книжно, а затем постепенно, как бы не выдерживая своей роли наставника, переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он призывает в свидетели Бога, ссылается и на живых свидетелей, приводит факты, имена. Его речь становится нетерпеливой. Он сам называет ее «суесловием». Как бы устав от собственного многословия, он прерывает самого себя: «что же много насчитати и глаголати», «множае нас сами весте» и т. д. Грозный не стесняется бранных выражений, обычно им употребляемых: «собака» «собачий», «пес» и пр. Он употребляет разговорные выражения «аз на то плюнул», «а он мужик очюнной врет, а сам не ведает что». Он пользуется поговорками, пересыпает речь восклицаниями: «ох!», «увы!», «горе ей!». Он часто непосредственно обращается к читателям: «видите ли?», «а ты, брат, како?», «ты ж како?» и пр. Разнообразие его лексики поразительно.

Те же черты литературной манеры Грозного мы наблюдаем и во всех других его произведениях. Во многих письмах к иностранным государям, частично явно написанных не им, можно определить, однако, немало страниц, принадлежащих самому Грозному. Эти страницы опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по стилю грубой, сильной и выразительной речи. Одним словом, в произведениях Грозного мы ясно видим все признаки индивидуального стиля.

Характерно и следующее. Пародия возникает в литературе тогда, когда ясно определяются признаки жанрового или индивидуального стиля. Появление пародии — знак осознания стиля как явления, существующего в какой-то мере независимо от содержания, как бы присоединяющегося к содержанию, ибо в пародии главный ее смеховой эффект состоит в несоответствии содержания форме, стилю, содержанию жанра. У Грозного есть послания, целиком выдержанные в тоне пародии. Таково, например, его знаменитое послание Симеону Бекбулатовичу. Послание это — только одно из звеньев политического маскарада, который Грозный организовал, передав свой титул касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу. Грозный в подчеркнуто притворном, униженном тоне называет себя «Иванцем Васильевым», просит разрешения у новопоставленного «великого князя всея

Руси» Симеона «перебрать людишек», то есть учинить расправу над негодными ему людьми.

Читая послания Грозного, иногда приходит на ум предположение, что яркостью индивидуального стиля Грозный как бы прикрывал отсутствие убедительных и аргументированных идей. В самом деле, что за «идея» — неустанно, многократно и однообразно твердить о своем полном праве творить все что угодно со своими подданными, — даже при том, если поводы к этим жестокостям явно несправедливы. Доводы только те, что творятся эти несправедливости «по прародителей своих обычаю» и что право на них утверждено якобы Писанием: «Се бо есть воля Господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?» Долг, следовательно, подданных — страдать и терпеть даже несправедливые наказания от своего владыки, а воздаяние получать на том свете: там можно за эти муки и «венец жизни наследити», то есть стать святым мучеником.

Было бы неправильно сводить всю проблему появления индивидуального авторского стиля у Грозного к тому, что он как своенравный самодержец позволял себе не считаться ни с литературным этикетом, ни с канонами жанров. Владимир Мономах также обладал главенствующим положением в государстве, однако если и отступал от особенностей поучения, или от летописного стиля в своей автобиографии, или от типа посланий в своем письме к Олегу Святославичу, то как бы помимо своей воли. Между тем Грозный часто менял свой стиль, принаравливаясь к случаю, к адресату, к своим собственным намерениям как можно больше ужалить своего противника.

С князем-изменником Курбским он — властный самодержец, с участником его потех Васюткой Грязным, попавшим в плен и требующим выкупа, он — глумливый хозяин, с игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Козьмой он — сперва монах, потом — жестокий разоблачитель, с проповедником лютеранства Рокитой он — дерзкий спорщик и защитник православной веры, с посаженным им «царем» Симеоном Бекбулатовичем он — притворный челобитчик, в своей молитве к Ангелу Грозному он — преисполненный страха смерти молящийся, в посланиях к Елизавете

Английской или шведскому королю Юхану III он — многоопытный властитель могущественного государства. Он издевается, зло шутит, иногда даже бранится. Он актер — всегда иной и всегда тот же самый. Особенность его литературной манеры — в умении создавать свой собственный образ, каждый раз иной и одновременно в чем-то прежний.

Он пишет то от себя, то от имени бояр, то под псевдонимом Парфений Уродивый. Обычно жанры, в которых выступает Грозный, — это послания, письма, «челобитные», то есть жанры прямого обращения к читателю. Это жанры, в которых на первый план выступают спор, обличение, утверждение своей правоты. Письма и послания входили в его арсенал как правителя.

Если индивидуальный стиль произведений Грозного был частью или одной из форм его поведения, то стиль произведений Курбского был как бы производной его жизненных обстоятельств. Различие, казалось бы, небольшое, но существенное по результатам. Индивидуальный стиль Курбского не так резко менялся. Он был индивидуально стабилен и связан с его стремлением найти свою «позицию» в жизни.

Курбский стал писателем, бежав за рубеж. Ему надо было оправдать себя в глазах общественного мнения в России и в Польско-Литовском государстве. Больше того — ему надо было оправдать себя в своих собственных глазах, ощутить свое право на позицию моралиста и нравоучителя. Его писания были самооправдательными документами, в которых он позировал перед другими, перед своими читателями, но прежде всего перед самим собой. Различие заключалось не столько в меньшей «гибкости» стиля Курбского, сколько в разной степени талантливости обоих. Грозный был несомненно талантливее Курбского и соответственно более решителен в выборе стиля, языка и в нарушениях жанровых традиций, чем Курбский.

Читатель вправе спросить: если в выборе стиля у этих двух писателей, Грозного и Курбского, играли такую роль их поведение и их жизненные позиции, то разве не было до того писателей с такими же яркими (или сугубо мрачными) судьбами, и почему выработались у них эти индивидуальные

черты стиля? Все дело, конечно, в том, что в истории литературы внешние обстоятельства начинают играть решающую роль тогда, когда они подготовлены всем предшествующим процессом развития литературы и когда они оказываются поэтому способными выполнить свою роль. Литература шла по пути индивидуализации, к развитию индивидуальных стилей. Несколько позднее этот же путь индивидуализации приведет литературу к появлению в ней индивидуальных характеров персонажей, к возникновению в литературных произведениях ярких человеческих образов, к появлению автобиографии.

Князь Курбский был плодовитым писателем. Однако не все им написанное выявлено и еще меньше издано. Среди наиболее известных его сочинений — его письма к Грозному и своеобразное продолжение этих писем — его «История о великом князе московском», где в основном продолжают те же темы и где Курбский уже обращается не только к Грозному, но и к многим читателям в Польско-Литовском и Русском государствах. Известны несколько писем Курбского в Псковско-Печерский монастырь. Писал Курбский и к Константину Острожскому, и к Марку, ученику еретика Артемия, и к Кузьме Мамоничу, и к Кодияну Чапличу, и к пану Федору Бокею, и к княгине Чарторыйской, и многим другим. Он переводил Цицерона, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита (что совсем сложно), в особых сочинениях защищал православие от униатства в Литве, составлял богословские сочинения и пр.

В известной мере Курбский был «перевертнем», вынужденным приспособляться к меняющейся обстановке, менять характер своего стиля и языка, систему аргументации и пр. Один свой лик он являл русским читателям, другой — западно-русским. По отношению к Грозному он стремился занять позу человека более образованного, изобразить себя человеком утонченной западной культуры. Курбский упрекал Грозного не только в «варварстве», но и в литературной неумелости, необразованности и отсутствии литературного вкуса. Себя Курбский стремился изобразить человеком западной просвещенности и цитировал для этого не только отцов церкви и церковно-авторитетные тексты, но и античных авторов. В своем втором письме к Грозному Курбский явно придерживался правил латинских риторик и эпистолографии гуманистов. Он знал, очевидно, учебники эпистолографии и, в частности, руководство Эразма Роттердамского. Исходя

из предлагаемых им правил, он и упрекал Ивана. Одним из главных достоинств писем считалась, например, их краткость. Он насмеялся над Грозным за то, что он этой краткости не придерживался, и его послание явилось «широковещательным и многошумящим». С высот своей новой образованности он поучает Грозного, что не следовало бы ему писать такие неискренние письма «на чуждую землю, идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в граматических и риторических, но и в диалектических и философских ученыях».

Со свойственным многим эмигрантам стремлением подчеркнуть свое бывшее высокое положение на родине Курбский хвастает и своей родовитостью, и своим прежним значением в России при Грозном. По мере того как Курбский осваивался со своей новой родиной, он пишет о России как о посторонней для него стране: «тамо есть у вас обычай», называет русских бояр «велицыя гордые паны, по их языку боярове» и т. п. При этом в язык Курбского постоянно входят полонизмы, а великорусскую речь он называет «их языком» — языком московитов. Следовательно, появление полонизмов в его речи вполне сознательно.

Характерна его биография Грозного, изложенная им в «Истории о великом князе московском». В русской литературе до Курбского не было жизнеописания обличительного характера. Были жития святых, ставившие себе целью прославление своего «героя». В поисках способов обличительного изложения жизни Грозного он отталкивается от житийного жанра и строит жизнеописание как своеобразное «антижитие». Курбский начинает «житие» Грозного с привычных для московских людей агиографических трафаретов, только перевертывая их значение, демонстрируя в «житии» Грозного прямо противоположные святому начала. Все начало жизнеописания Грозного — это «житие» по жанру, но перевернутое, как бы опрокинутое в зло. Сам типичный перевертыш, Курбский и это свое произведение строит в «перевернутом» строе — стиле антижития. Он как бы «паразитирует» на традиционном жанре, разрушая его. «Разрушительная» работа Курбского в известной мере была необходима в историко-литературном процессе. Доказательства этому в следующем периоде, когда писателям приходилось характеризовать деятелей Смутного времени не только как святых и героев, но во всей их сложности. Но об этом в дальнейшем. В истории литературы иногда расшатывание старых

литературных форм имеет значение для созидания новых. Даже не стремясь к новшествам, Курбский разрушал жанровую систему древнерусской литературы. «История о великом князе московском», начатая сначала как своего рода «антижитие», затем переходит от одного жанра к другому, и в результате невольно создается произведение, выходящее за пределы любого из древне-русских жанров. Задача, поставленная Курбским, заставляла его охватывать жизнеописательную тематику, послания, воспоминания, историю царствования Грозного и просто перечень его преступлений, ставший вместе с тем как бы и перечнем мучеников тирании Грозного. Немалую роль в создании этого многопланового и многожанрового произведения сыграла и постоянная перемена того воображаемого читателя, к которому обращался Курбский. То это был западнорусский читатель, которому он хотел разъяснить — почему он выехал из России, то это был сам Грозный, которого он разоблачал за глаза из своего безопасного зарубежного укрытия, но как бы и в глаза, прямо обращаясь к нему во втором лице. В моменты этих обращений Курбский, наверное, чувствовал себя очень смелым, неліцеприятным и прямым...

«История о великом князе московском» не участвовала в русском литературном процессе. Она не была известна на Руси в XVI веке, но тем не менее она явилась ярким свидетельством тех явлений, которые подспудно совершались в русской литературе — в первую очередь показателем ломки традиций. Хотя основные произведения эпохи сосредоточиваются вокруг двух авторов — Грозного и его противника Курбского, литературная жизнь продолжалась в тиши монастырских келий, по большим общежительным монастырям и провинциальным городам.

Скрынников Руслан Григорьевич (1931-2009) – советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по истории эпохи Ивана Грозного и Смутному времени.

ИВАН ГРОЗНЫЙ (отрывок)

Историческая роль

Каково место Ивана Грозного в истории? Можно ли согласиться с тем, что перемены, происшедшие в его правление, столь глубоко повлияли на отношения между государственной властью и дворянством, что определили «на долгие времена и характер русской государственности, и характер [454] русского общества не только в эпоху средневековья»? Действительно ли русские сословия, включая аристократию, сформировались как сословия служилые во многом благодаря политике Ивана IV?

Выводы такого рода требуют серьезных уточнений. Боярство трансформировалось в служилое дворянское сословие благодаря поместной системе и превращению государственной формы собственности в господствующую форму землевладения. Но поместная система сформировалась не при Иване IV, а при его деде Иване III и отце Василии III. Что касается превращения родовой аристократии в служилую, оно завершилось длительное время спустя после смерти Грозного.

Благодаря вмешательству Ивана IV, как полагают, был оборван наметившийся в середине XVI в. процесс формирования «сословного общества» — процесс, который мог бы сблизить общественный строй России с общественными порядками других европейских стран, в первую очередь ее ближайших соседей. Так ли это? Задача историка заключается в том, чтобы установить подлинные факты и объяснить, что произошло в действительности.

Царь Иван всю жизнь воевал со своей знатью. Он пролил потоки крови, чтобы подорвать ее влияние. Эта цель стала едва ли не главной целью его жизни. События, последовавшие после его кончины, показали, что террор ослабил родовую аристократию, но не сломил ее могущества. Грозный расколол дворянское сословие, чтобы добиться неограниченной власти. Но воздвигнутое им здание оказалось непрочным. Понадобились считанные недели, чтобы оно рухнуло. Крушение не было следствием заговора злокозненных бояр. Крамолу затеяли дворовые люди.

В конце Ливонской войны за рубежом распространились слухи о том, что в Москве со дня на день может вспыхнуть мятеж и что царь Иван взят под стражу боярами, а дворянство волнуется. Слухи были преждевременными. Но «бунташное» время на самом деле стучалось в двери.

Писатели, пережившие Смуту, любили вспоминать тишину и благоденствие, снизошедшие на страну в правление Федора. Бедствия Смуты заслонили в их глазах многочисленные возмущения, которые потрясли государство до основания при сыне Ивана IV. Сразу после кончины царя Богдан Бельский арестовал Афанасия Нагова и спешно выслал его из Москвы. Его действия получили полное одобрение руководителей «двора» и земской думы.

Пока жив был Грозный, знать, принятая на «дворовую» службу, мирилась с тем, что реальная власть находилась в руках «худородных» думных дворян. С кончиной государя борьба за власть парализовала «дворовое» руководство. Главным соперником Бельского стал популярный в народе воевода-регент князь Иван Петрович Шуйский. В столице толковали о том, что Бельский послал слуг, чтобы перехватить и убить Шуйского, находившегося в Пскове и спешно выехавшего в столицу.

Распри дворовых чинов подтолкнули земщину к энергичным действиям. Земский казначей Петр Головин затеял местническую тяжбу с Бельским. При Грозном земские дворяне пуще огня боялись тягаться с опричниками и «дворовыми» чинами. Теперь же вызов правителю бросил человек, имевший низший думный чин.

Судьи, вершившие дело, столкнулись с трудностями, из-за чего тяжба затянулась. Бельский «слался» на «дворовые» службы, Головин — на земские. Соединить две иерархические «лестницы» было затруднительно. На стороне Головина выступили князья Мстиславский с сыном, младшие Шуйские, Голицыны, а также Романовы и Шереметевы. За Бельского вступились Трубецкие и Годуновы вместе с «худородным» Андреем Щекаловым из земщины. Годуновы говорили от царского имени. Но Федор еще не был коронован. В России наступило междуцарствие.

Местнический спор, как все понимали, имел принципиальное значение. Если бы Бельский проиграл тяжбу, под ударом оказались бы не только Годуновы, но и весь «двор». Земские дворяне, собравшиеся во дворце, проявляли нетерпение. Во время «преки» в думе они набросились на Бельского с таким остервенением, что тот, спасая жизнь, «утек к царе назад» и укрылся в царских хоробах.

Столкнувшись с «крамолой», Бельский решил действовать, не дожидаясь прибытия в столицу Ивана Шуйского. Без санкции на то старших регентов он ввел в Кремль «дворовых» стрельцов и расставил их в воротах и на стенах. Правитель тайно обещал им великое жалованье и убеждал не бояться бояр и выполнять только его приказы. Великие бояре разъехались по своим дворам на обед. Бельский тем временем велел затворить все ворота и попытался уговорить Федора держать «двор» и опричнину так, как держал его отец. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но в дело вмешался народ. Прослышав о затее Бельского, регенты Мстиславский и Романов поспешили в Кремль, взяв с собой вооруженную свиту. После переговоров Бельский согласился пустить двух бояр внутрь замка, но калитка захлопнулась перед их вооруженными холопами.

Подождав некоторое время, боярские слуги попытались силой пробиться в Кремль. В это время по улицам столицы проскакал молодой сын боярский с криками: «Бояр Годуновы побивают!» На Красной площади начала собираться толпа. К черни, как свидетельствует летописец, присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикины «и иных городов дети боярские». Волнения не были следствием боярского заговора. Мятеж затеяли боярские холопы, которых поддержали посадские люди и провинциальные дворяне. «Дети боярские на конех, — записал современник, — многие из луков на город стреляли». Об участии в беспорядках знати и московских дворян источники молчат.

Восставшие пытались разбить Фроловские ворота Кремля и повертели большую пушку, стоявшую на Лобном месте, в сторону замка. Толпа требовала выдать на расправу любимцев Грозного — Бельского и

Годунова. Дело приобрело серьезный оборот. Стрельцы попытались залпами рассеять толпу. В результате побоища на площади остались лежать до 20 убитых. Примерно 100 человек было ранено.

Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского. Попытка ввести опричнину провалилась. «Бояре, — повествует летописец, — меж собою примирились в городе (Кремле) и выехали во Фроловские ворота». Временщик был лишен всех титулов и отправлен в ссылку в деревню.

Прошло немного времени, и почти все думные дворяне были лишены думных чинов. По случаю коронации Федора Боярская дума широко распахнула двери перед высшей знатью.

Власть перешла в руки регентов боярина Никиты Романова и князя Ивана Шуйского. В 1585 г. Романова хватил удар. Его место занял Борис Годунов, получивший титул конюшего. Романова беспокоило будущее молодых сыновей, и перед кончиной он искал союза с Годуновыми. Ближайшая родня Федора должна была объединиться, чтобы закрепить трон за недееспособным государем.

Под нажимом бывших «дворовых» чинов — Годунова, с одной стороны, и Шуйского — с другой, — главный регент удельный князь Иван Мстиславский подал в отставку и постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Главным условием отставки была передача удела сыну князя Ивана.

Вельможам была ненавистна самая память о Грозном. Дьяк Иван Тимофеев яркими красками описал их поведение. «Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с

этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...». Знать не скрывала своего отношения к Федору Ивановичу. Русские на своем языке называют его дураком, говорил о Федоре шведский король Юхан III в речи к риксдагу.

Грозный пуще огня боялся, что бояре составят заговор и отстранят от власти его наследника. Так и случилось, но дело обошлось без заговоров. Опираясь на вековую традицию, Боярская дума вернула прерогативы, утраченные ею в опричнину. В стране установилось боярское правление.

Бояре провели общую амнистию. «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет, — писал Джером Горсей, — получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались, и их вина прощалась». Горсей пользовался доверием Грозного, ему покровительствовал Годунов. Англичанин наблюдал перемены своими глазами. В его рассказе особого внимания заслуживает упоминание о давних тюремных сидельцах. Несложный арифметический подсчет показывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Царь Иван пытался примириться с убиенными, но прощать оставшихся в живых изменников он и не думал. Самым важным положением амнистии был пункт о возвращении земель знатным лицам, получившим свободу. Путь к возрождению родового вотчинного землевладения был открыт.

Возврат вотчин, незаконно отнятых в казну при Грозном, означал восстановление законности и правопорядка в Русском государстве. Однако новые правители использовали момент в своих интересах. Ссылки Грозного на то, что уже его дед и отец особым Уложением воспретили раздавать крупные вотчины боярам, были преданы забвению. При Иване IV фонд казенных земель пополнился за счет боярских вотчин. Теперь бояре спешили вернуть свои земельные богатства.

После казни боярина Александра Горбатого его богатейшая вотчина, село Лопатниче, перешла в казну. Царь специально упомянул о ней в своем

завещании, приказав передать ее царевичу Федору. Шуйские далеко разошлись в колоне с князьями Суздальскими. Тем не менее регент князь Иван Шуйский сумел получить из казны вотчину Горбатого. Он завладел также богатыми землями, принадлежавшими прежде удельному князю Ивану Бельскому. В его руки перешел город Кинешма с обширной волостью. В качестве кормления воевода получил Псков «со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь». Псков был одним из самых богатых торговых городов России, и в распоряжение регента поступили огромные доходы. Князь Дмитрий Иванович Шуйский, младший брат будущего царя Василия, получил с чином кравчего «в путь» город Гороховец со всеми доходами. Бояре Романовы преуспели в стяжании не меньше Шуйских. В их руки перешли на вотчинном праве Романове Городище, городок Скопин и другие земли. В 1613 г. сыну регента Никиты Романова Ивану принадлежали 13 тысяч четвертей пашни в трех полях «старых вотчин», то есть вотчин, принадлежавших его отцу.

При Грозном немало черносошных земель было роздано в поместье дворянам. При боярском правительстве расхищение приобрело несравненно более широкие масштабы. Теперь их использовали не для пополнения поместного фонда, а для пожалований боярской аристократии. Боярин князь Федор Скопин-Шуйский получил в жалованье Каргополь. Конюший Борис Годунов и его семья, как подчеркивал Горсей, получили Важскую землю. Указание на семью свидетельствовало, что Годуновы стремились превратить Вагу в свое наследственное владение. Важская земля занимала огромную территорию и включала множество сел и деревень.

Джером Горсей, описывая состояние России после смерти Грозного, обронил следующее многозначительное замечание: «Владения этого государства так пространны и обширны, что они необходимо должны распасться на несколько царств и княжеств и с трудом могут быть удержаны под одним правлением...»

Крушение сильной власти при отсутствии прочных экономических связей между землями действительно создавало угрозу распада Русского государства. Однако в конце XV и в начале XVI в. государственная земельная собственность, приобретя господство, стала своего рода

цементирующим составом, скрепившим государство единой военно-служилой системой. Начиная со времени Смуты второй четверти XIV в. удельные княжества возрождались при каждом новом монархе, а затем безжалостно уничтожались. Угроза возрождения удельной системы при Федоре была нейтрализована думой.

Политические воззрения Грозного были пронизаны аристократическими предрассудками в такой же мере, как и взгляды его знати. Если бы царские распоряжения, выраженные в его опричном завещании и призванные укрепить шатающийся трон, были исполнены, младший царевич получил бы удельное княжество, включавшее Суздаль, Ярославль и Кострому. Царское завещание не оставляло сомнений в том, что Грозный ставил интересы династии превыше всех прочих интересов. Но боярское правительство не допустило возрождения удельной системы в крупных масштабах.

Своей вдове Анне Колтовской самодержец предполагал выделить древний Ростов, а возможному сыну от нее — Углич, Верею, Малый Ярославец, Кашин, Устюжну. Неизвестно, какую метаморфозу претерпело это распоряжение в последнем завещании монарха. Регенты передали вдове Грозного царице Марии, а вместе с нею и ее сыну Дмитрию один лишь город Углич. Можно полагать, они не выполнили наказа царя. Никто более не считался с завещанием монарха. Само духовное завещание бояре уничтожили.

Московские власти с помощью всевозможных ухищрений вернули в Россию племянницу Грозного Марию, дочь князя Владимира Андреевича Старицкого. Вдове ливонского короля Магнуса обещали, что она займет в России достойное положение в соответствии с ее царским происхождением. Переговоры с ней вел Горсей, который называл королеву «ближайшей наследницей московского престола». В России Марии действительно пожаловали земли, стражу и слуг. Но жила она в пожалованном «уделе» очень недолго. По воле боярского правительства она и ее дочь были вскоре же заточены в монастырь.

При участии царя Ивана Боярская дума провела в середине XVI в. реформы и создала систему приказов, в недрах которых зародилась российская бюрократия. В период опричнины в думе сформировались курии думных дворян и думных дьяков. Боярская дума стала ядром нового в русской истории учреждения — Земского собора, органа сословного представительства, которому суждено было сыграть важную роль в годы Смуты.

История России в XVI столетии поражает своими контрастами. Покончив с ордынской властью, Русское государство подчинило татарские ханства в Поволжье и нанесло тяжелое поражение Крымской орде, служившей бичом в руках турок. Значение русских побед определялось тем, что турки уже утвердились на Балканах и в Причерноморье и тень турецкой экспансии нависла над всей Восточной Европой. Россия проложила себе дорогу на Урал и в Сибирь, завязала торговые отношения с Западной Европой по северным морям, а затем по Балтике. Однако попытка прочно утвердиться на берегах Балтийского моря привела страну к тяжелому поражению в Ливонской войне.

В XVI в. Россия достигла огромных экономических успехов и пережила великое разорение. Итогом явилось запустение старых центров и начало освоения плодородных земель на вновь присоединенных окраинах. Подъем ремесла и торговли сменился в конце века упадком. Вместе с самодержавным строем в России народились крепостнические порядки.

Царь Иван заслужил проклятия боярской знати и земского дворянства. Низы, задавленные непомерными налогами, также не имели причин любить самодержца. Но казни бояр заронили в душу народа убеждение в том, что царь может защитить народ от притеснений «лихих бояр». Это убеждение наложило печать на лозунги кровавых бунтов XVII в. Зачинщики бунтов выступали за доброго царя и против «лихих бояр» со времен Смуты.

В источниках XVI в. прозвище «Грозный» не встречалось. Скорее всего царь Иван получил его, когда стал героем исторических песен. Фольклорный образ великого государя сформировался, можно думать, в

период Смуты. Опричный террор унес жизни нескольких тысяч людей, гражданская война начала XVII в. — сотни тысяч жизней, а может быть, и больше. Страна обезлюдела. В деревнях подавляющая часть пашни запустела. В обстановке неслыханных бедствий время царя Ивана стали вспоминать как эпоху могущества Российской державы, ее процветания и величия. Кровавые и темные дела были забыты.

Перевод «Иван Страшный» или «Иван Ужасный» очевидным образом искажает смысл прозвища. В представлении людей того времени «гроза» символизировала стихию испепеляющую, неотвратимую и блистательную, притом стихию не столько природную, сколько божественную, знак вмешательства небесных сил в жизнь людей. Правление Ивана Грозного оставило глубокий след в истории русского средневековья.